

А. А. Бубликов

**Русская революция: ее
начало, арест Царя,
перспективы**

**Впечатления и мысли очевидца
и участника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. А. Бубликов**
Русская революция: ее начало, арест Царя, перспективы: Впечатления
и мысли очевидца и участника / А. А. Бубликов – М.: Книга по Требованию,
2016. – 160 с.

ISBN 978-5-518-03130-2

ISBN 978-5-518-03130-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настанетъ годъ—Россия черный годъ --
 Когда царей корона упадетъ,
 Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
 И пища многихъ будетъ смерть и кровь:
 Когда дѣтей, когда невинныхъ жонъ,
 Низвергнутый не защититъ законъ'
 Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
 начнетъ бродить
 И станеть голодъ бѣдный край терзать,
 И зарево окраситъ волны рѣкъ!
 Въ тотъ день явится мощный человекъ
 И ты его узнаешь—и поймешь
 Зачѣмъ въ руеѣ его булатный ножъ.
 И горе для тебя!.. твой плачь, твой стонъ
 Ему тогда покажется смѣшонъ.....
Лермонтовъ.

1830 г.

Неудачная русская революція 1905 года весьма быстро выродилась въ бандитизмъ.

Это до чрезвычайности облегчило Императорскому Правительству борьбу съ нею.

Рядъ отвратительныхъ преступленій, совершенныхъ подъ прикрытіемъ революціоннаго знамени, злоупотребленіе такимъ опаснымъ для общаго блага орудіемъ, какъ всеобщая политическая забастовка, и крайняя нетерпимость крайнихъ лѣвыхъ партій, которую можно было поставить вровень развѣ только съ нетерпимостью правительственной, все это вмѣстѣ взятое отвратило отъ симпатій къ революціи всѣхъ людей имущихъ, или мечтающихъ, путемъ упорнаго труда въ мирной обстановкѣ, добиться известнаго достатка.

Можно, пожалуй, сказать, что эти люди «благодарны

ли» правительство Столыпина на усмирение революции, ибо, действительно, только учуявъ, что симпатіи значительной части населенія уже болѣе не съ революціонерами, правительство возымѣло смѣлость начать безпощадную и систематическую съ ними борьбу. Пошли разстрѣлы, карательныя экспедиціи, заполненіе тюремъ и массовая ссылка — словомъ весь обычный арсеналь реакціи былъ пущенъ въ ходъ и революціонеры, оставшіеся одинокими, быстро были разбиты на голову.

«Успокоеніе» поскольку оно достижимо мѣрами полицейскими, наступило весьма быстро. Но вскорѣ оно было закрѣплено и по существу: наступилъ энергическій ростъ благосостоянія широкихъ массъ населенія. Заработали фабрики, заводы, желѣзныя дороги. Биржа, дававшая прыжки цѣнъ въ десятки пунктовъ въ день, пролигала золотой дождь на толпы людей, осаждавшихъ банкирскія конторы. А кто же не знаетъ, что матеріальное благополучіе есть лучшій бромъ противъ политическихъ страстей?

Революція кончилась.

Объ ней всѣ позабыли.

Но и ни одна изъ общественныхъ силъ, въ ней участвовавшихъ, — ни революціонеры, ни правительство, ни народъ самъ — никто не извлекъ изъ пережитого никакого урока на будущее.

Революціонеры, частью наполнившіе безчисленныя русскія тюрьмы и безбрежную сибирскую тайгу, частью ушедшіе искать гостепріимства въ другихъ странахъ, унесли съ собою въ изгнаніе и ссылку только крайнее озлобленіе противъ виновниковъ своего пораженія и чрезвычайную увѣренность въ своей правотѣ.

Они не хотѣли даже допускать мысли о томъ, что источникъ ихъ пораженія лежалъ въ ихъ же ошибкахъ,

въ ихъ оторванности отъ подлиннаго русскаго народа. Наблюдая проявленное имъ во время революціи въ широчайшемъ масштабѣ неуваженіе къ чужой собственности, они заключали о томъ, что будто бы этотъ народъ чрезвычайно склоненъ къ социалистическому укладу жизни, тогда какъ значительной его части гораздо ближе была знаменитая идеологія: если *ты* украдъ *мою* жену, то это — плохо, а, если *я* украдъ *твою* жену, то это — хорошо. Они не поняли, что этотъ народъ не доросъ еще даже до буржуазной идеологіи, цѣлкомъ основанной именно на уваженіи къ чужой собственности, что онъ гдѣ то еще безусловно далеко даже отъ современныхъ европейцевъ и американцевъ.

Наконецъ, они не сумѣли сдѣлать даже того, напрашивавшаго, вывода, что ихъ теорія перманентной революціи носила источникъ своей гибели въ самой себѣ. ибо спокойствіе душевное есть въ пониманіи широкихъ народныхъ массъ такое великое «благо», за которое народы платили всегда самую дорогую цѣну, вплоть до цѣны собственной политической свободы. Свою профессиональную любовь къ революціонному дѣйствию они считали присущей и народу, тогда какъ для послѣдняго революція всегда лишь средство и никогда — цѣль.

Революціонеры упорно не хотѣли понять, что съ тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся на Руси, можно было только скомпрометировать социалистическую идею, а отнюдь не осуществить на землѣ социалистическій рай, что русскій народъ, не прошедшій курса элементарной политической свободы, если его не удерживать отъ слишкомъ быстрого движенія влѣво, всегда будетъ проявлять склонность щарахаться отъ крайнихъ увлеченій свободою въ сторону самой же крайней реакціи.

Правительство раздѣлило обычную участь всѣхъ

реакціонныхъ правительствъ — проявило полную безцѣльность, можно сказать, безграничную политическую глупость.

Въ упоеніи своей рѣшительной побѣдой надъ врагомъ внутреннимъ при помощи мѣръ чисто полицейскаго порядка, оно забыло знаменитое положеніе французскаго политическаго дѣятеля, что штыками можно сдѣлать весьма много, но только нельзя сдѣлать одного — на нихъ нельзя сидѣть.

Знаменитая правительственная формула: «сперва успокоеніе, а потомъ реформы» расплылась весьма быстро. Изъ всѣхъ реформъ была проведена, да и то не слишкомъ энергично, только одна — были сдѣланы шаги къ насажденію въ Россіи класса мелкихъ единоличныхъ земельныхъ собственниковъ. О какомъ либо утвержденіи торжественно обѣщанныхъ политическихъ свободъ не было больше и рѣчи.

Правительство не поняло, что долге править страной противъ народа нельзя, что для того, чтобы прочно стоять во главѣ великой націи, надо умѣть сохранять въ себѣ великодержавный инстинктъ — надо умѣть предлагать народу задачи, достойныя его, и въ то же время непрерывно улавливать, въ чемъ состоитъ его дѣйствительный, кровный интересъ.

Правительство видѣло ясно безсиліе дворянства и духовенства, а потому, пользуясь ими, оно въ то же время глубоко ихъ презирало, съ ихъ желаніями не считалось, тѣмъ самымъ питая даже въ этой средѣ недовольство существующимъ строемъ.

Рабочихъ оно искрення ненавиждѣло.

Къ крестьянству оно относилось явно недоувѣрчиво, ибо послѣднее въ дни революціи задѣло интересы помѣ-

щичьяго класса, изъ котораго рекрутировались представители высшей власти въ странѣ.

Въ отношеніи интеллигенціи имъ была усвоена столь любезная сердцу всѣхъ реакціонныхъ правительствъ міра политика «мелкихъ уколовъ» — непрерывнаго мелкаго издѣвательства надъ ея свободолюбивыми стремленіями.

Наконецъ, къ торговопромышленной буржуазіи отношеніе было опредѣленно враждебное. Бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, кстати сказать назначенный на этотъ постъ бывшимъ царемъ за одно только достоинство — умѣнье безподобно изображать влюбленную пантеру (фактъ!) говорилъ про буржуазію такъ: «это будетъ похуже рабочихъ; тѣхъ можно пострѣлять. А что съ этими сдѣлаешь?».

Словомъ, не было въ Россіи класса или группы людей, съ которыми русскому правительству было бы по пути.

Оно воевало со всѣми, всѣхъ и всего боялось, всѣхъ угнетало, все молодое, свѣжее душило.

Идеологъ русской реакціи поставилъ такую задачу передъ русской властью: «Россію надо подморозить — чтобы не жила», ибо твердая, прочная, незыблемая, застывшая въ своихъ идеалахъ, власть возможна только надъ народомъ неживымъ, не движущимся впередъ, не стремящимся къ политическому совершенствованію.

И русская власть стояла надъ русскимъ народомъ, сильная съ виду, но совершенно одинокая, никому подлинно не необходимая.

Ибо подняться до высоты просвѣщеннаго абсолютизма, точно сформулировать дѣйствительно историческія задачи своего народа и настойчиво ихъ осуществлять было конечно не подъ силу русскому самодержавію. выродившемуся и духовно, и физически.

Его хватало только на работу отрицательную, на полицейский гнетъ. Творчество отъ него давно отлетѣло.

Поэтому урокъ революціи 1905 г. прошелъ для него совершенно даромъ. Оно не поняло, что русскій народъ переросъ старыя рамки, что онъ уже *сильно* хочетъ новой, лучшей жизни и что онъ скоро начнетъ самъ ее строить, если ему не дать ее его «Богомъ поставленная» власть.

Историческая фраза Александра II, сказанная имъ дворянству при освобожденіи крестьянъ: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу» — была совершенно не по плечу ничтожному Николаю II и его столь же ничтожнымъ совѣтникамъ.

Они не прислушались къ первымъ раскатамъ народнаго грома и не съумѣли отвести отъ себя народнаго гнѣва настоящимъ служеніемъ народу — государственнымъ творчествомъ въ соотвѣтствіи съ бродившими въ душѣ народа новыми идеалами.

«Успокоеніе» народа, прекращеніе имъ революціонныхъ «безпорядковъ», они приняли за отказъ націи отъ своихъ желаній новой, лучшей жизни.

Самъ народъ, мыслящее общество... только что, казалось бы, испытавшіе на своей спинѣ послѣдствія политическаго экспериментаторства, революціоннаго и реакціоннаго, не сдѣлали того простаго вывода, что для того, чтобы имѣть «хорошую» политику, народу надо отстранить отъ этого дѣла профессионаловъ, безразлично, будь они справа, или слѣва, и взять его въ свои руки.

Наоборотъ, интересъ къ политикѣ палъ до невѣроятія.

Если въ чемъ и былъ неправъ бывшій русскій премьеръ Коковцевъ, когда онъ утверждалъ, что въ Россіи въ 30 верстахъ отъ желѣзной дороги никто политикой не

интересуется, то, развѣ, въ томъ, что ею не занимались и тѣ, кто жилъ вплотную у желѣзной дороги

Интересъ, какой еще поддерживался къ политикѣ, носилъ чисто спортивный характеръ. Публика съ полнымъ политическимъ безстрастіемъ, хотя и не безъ любопытства, наблюдала: кто кого одолѣетъ, революціонеры-ли — правительство, или правительство революціонеровъ? Кто кого лучше поддѣнетъ: Правительство «оппозицію Его Величества», какъ именовалъ свою партію лидеръ кадетовъ Миллюковъ, или оппозиція правительство?

Какъ будто это «кто кого одолѣетъ?» «кто кого переспоритъ?» не касалось самыхъ близкихъ, самыхъ существенныхъ интересовъ г.г. зрителей политической скачки съ препятствіями.

Г. Дума рѣшительно никакой поддержкой въ странѣ не пользовалась. Правительство могло ее распускать сколько угодно и въ странѣ не раздавалось и тѣни протеста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умѣли «обезвреживать» черезъ законодательную обструкцію верхней палаты и потому, что немного опасались заграницы — какъ бы не лишились кредита.

Маразмъ былъ полнѣйшій.

Какое то затишье передъ бурей.

Всякая партійная жизнь прекратилась и не потому, что ее убивало полицейское преслѣдованіе, а потому, что пропала къ ней интересъ.

Всѣ были недовольны, но никто не хотѣлъ дѣятельно бороться съ нестроеніемъ государства. Всѣ ушли въ личную жизнь и, хотя всѣ сознавали, что «такъ дальше жить нельзя», но ограничивались одной воркотней, фронтдированіемъ въ узкомъ кругу знакомыхъ и друзей. Никто и не помышлялъ о созданіи вліятельнаго общественнаго мнѣнія, о выработкѣ политическихъ идеаловъ и о настоя-

чивомъ проведеніи ихъ въ жизнь.

Полнымъ безсиліемъ вѣяло отъ всего въ странѣ. Не были на высотѣ задачъ, которыя исторія должна была поставить передъ русскимъ государствомъ, никто — ни правительство, ни профессиональные политики, ни самъ народъ.

А между тѣмъ надвигались грозовыя тучи величайшихъ испытаній. И когда бѣда пришла, то мудро ли, что разразилась вновь революція?

Было бы удивительнѣе, если бы она не пришла. Это, пожалуй, было бы признакомъ того, что народъ безнадежно палъ, если бы онъ не сдѣлалъ даже той почти конвульсивной попытки спасти себя, какой являлась для него революція.

И удивительно ли также, что эта революція донесла его чрезвычайно быстро до крайнихъ предѣловъ отвратительной охлократіи?

Вѣдь въ народѣ къ моменту революціи не было ни одной интегрирующей, творческой силы. Все одряхлѣло, все извѣрилось въ себя, ничто не давало и тѣни надежды на выходъ, на спасеніе. Не видно было никакихъ шансовъ справиться съ положеніемъ съ помощью старой политической машины. Этотъ старый строй не донесъ до момента революціи ни одного дѣйствительно авторитетнаго политическаго дѣятеля, ни въ средѣ правительства, ни въ средѣ оппозиціи, ни одного человѣка съ волей и характеромъ, на котораго нація могла бы возложить свои надежды. Десятилѣтія систематической деморализаціи народа давали себя знать: въ странѣ неказалось никакихъ, подлинно государственныхъ элементовъ.

При этихъ условіяхъ неотвратимъ былъ *полный* переворотъ, неизбеженъ былъ хаосъ и попытка начать но-

ное творчество изъ этого хаоса, изъ ничего, поиски какихъ то совершенно новыхъ идей и новыхъ людей, ибо старые методы и старые дѣятели безнадежно потеряли всякій кредитъ въ глазахъ страны.

При этомъ становится вполне понятнымъ, что эти старые политическіе дѣятели дореволюціоннаго періода не могли желать революціи, а, не желая, — и не вѣрили въ ея пришествіе.

Эта ихъ увѣренность въ невозможности революціи, заражала даже и стороннихъ наблюдателей. Недаромъ спеціальнй англійскій посланецъ, посѣтившій Россію незадолго до революціи, лордъ М., еще чуть не наканунѣ этой революціи докладывалъ своему правительству о полной ея невозможности: вѣдь ему объ этомъ говорили буквально всѣ, съ кѣмъ ему пришлось сталкиваться въ Петербургѣ — и представители власти, и представители оппозиціи.

Да ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель и не могъ сознательно желать революціи. Всякій понималъ, что Россія, изнемогавшая подъ бременемъ внѣшней войны, не могла одновременно поднять на свои плечи еще и бремя перестройки всѣхъ внутреннихъ отношеній. Финансированіе войны и финансированіе въ то же время соціальной справедливости не могло быть по плечу экономически слабой странѣ, и такъ уже безудержно шедшей къ банкротству.

Послѣдующее вполне подтвердило эти опасенія. Русское государство, доведшее свое кредитное обращеніе съ 1,650,000 рублей предъ войной до 8 миллиардовъ рублей къ моменту революціи, послѣ нея, не воюя, пришло къ 18 миллиардамъ въ Октябрѣ пр. года. Когда я уѣзжала изъ Россіи (въ Сентябрѣ), «Экспедиція заготовленія госу-

дарственныхъ бумагъ» выпускала въ день до 72 милліоновъ рублей. Впослѣдствіи, говорятъ, ея «производительность» была повышена до 125 милліоновъ. Но если даже остановиться на цифрѣ 72 мил. въ день, или 2 милліарда въ мѣсяцъ, то сейчасъ бумажное обращеніе въ Россіи должно достигать 25—26 милліардовъ рублей. Далекое ли отсюда до полнаго крушенія денежной системы, до полнаго банкротства? А финансовое банкротство является лишь вышнимъ выраженіемъ неспособности для страны такихъ двухъ задачъ, какъ война и революція.

И было ясно впередъ, что, изнемогая подъ бременемъ этихъ двухъ задачъ, страна попытается сбросить съ своихъ плечъ первую.

А выходъ изъ войны, перестройка всѣхъ вышнихъ отношеній въ моментъ величайшаго міроваго кризиса представляли собой такой прыжокъ въ неизвѣстность, который никакъ не могъ предвѣщать для Россіи ничего добраго.

Поэтому то ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель, даже такой, какъ лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, лично, почти физически не переваривавшій Николая II, не заходилъ въ своихъ желаніяхъ дальше мечтаній о персональномъ низложеніи Николая, чтобы въ періодъ регенства Михаила надъ несовершеннолѣтнимъ Алексѣемъ попытаться создать въ Россіи нѣчто аналогичное Англійскому государственному строю съ царемъ царствующимъ, но не управляющимъ.
